

КОНФЛИКТ ИДЕОЛОГИИ И ПРАВСТВЕННОСТИ В РОМАНАХ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА “АВГУСТ 14-го” И “В КРУГЕ ПЕРВОМ”

© 2006 Г.А. Чуриков

Воронежский государственный университет

“Оказался наш XX век жесточе предыдущих, и первой его половиной не кончилось все страшное в нем. Те же старые пещерные чувства – жадность, зависть, необузданность, взаимное недоброжелательство – на ходу принимая приличные псевдонимы вроде классовой, расовой, массовой, профсоюзной борьбы, рвут и разрывают наш мир”

А.И. Солженицын. Нобелевская лекция.

“Ему грезилось в болезни, будто весь мир осужден в жертву какой-то страшной, неслыханной и невиданной моровой язве, идущей из глубины Азии в Европу... Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселяющиеся в тела людей... Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими. Но никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали зараженные. Никогда не считали непоколебимее своих приговоров, своих научных выводов, своих нравственных убеждений и верований... Язва росла и продвигалась дальше и дальше” [2; 467]. В конце 10-х годов XX столетия видение героя Достоевского превратилось в реальность, в которой расплывчатые образы обрели конкретные очертания. Россия исторически являлась страной, где духовное развитие всегда опережало политическое, а уклад жизни значил для человека несравнимо больше, нежели любая идеология. Кульминацией “смутного времени” начала века становится Октябрьская революция, которая переломила вместе с многовековой религией и восприятие обществом категории морали. Как следствие, главенствующей категорией в общественном сознании становится идеология. Старая монархическая религиозная Россия ушла в прошлое. На смену ей зарождается Россия новая – социалистическая и атеистическая. Новая идеология в качестве метода борь-

бы за социалистические достижения позиционировала всеобщее равенство, превосходство коллективной работы над индивидуальной и общего над частным, что естественным образом привело к девальвации отдельной личности. Смена общественных приоритетов отобразилась, в частности, в выдвигании на первые роли в обществе рабочего класса и резком падении авторитета крестьян и интеллигенции. А именно мыслящая интеллигенция и общающиеся с природой крестьяне априори духовно богаче, а значит, нравственно выше представителей городского рабочего класса.

С приходом к власти коммунистической партии материальная составляющая человеческого бытия резко увеличилась (постепенность и мирозерцание сменились лозунгами и планами ускоренного социального развития). Духовная сфера бытия, наоборот, или уничтожается, как православие, или оказывается замещенной, как нравственность новой общественной моралью, что проявилось в превалировании партийно целесообразного и политически обусловленного при классификации разумного, доброго, вечного. И парадоксальным образом оказалось, что “коммунизм не только не гнушается моралью, но она есть необходимое условие его конечной победы” [8; 228]. В философии в конце XIX – начале XX веков термин “нравственный” употребляется в связке с термином “социализм”, что можно было увидеть в работах С. Булгакова и В. Соловьева, который сказал о том, что “можно и нужно экономику строить – на основании нравственности” [13; 343]. В советском обществе 30-х годов также существовала идея о связи нравственности и социализма. “Коммунизм есть не только экономическая, но и нравственная система” [5; 236]. Лишь в 70-е и 80-е годы категории морали и нравственности стали осознаваться в отрыве от политической практики. Но все это во многом уже было высказано Солженицыным ранее, в его литературных трудах. Литера-

туровед В. Синенко, например, анализируя творчество Солженицына, обозначила рассматриваемые категории идеологии и нравственности как две этические системы, основанные на противоположных идеях: жертвенной борьбе за счастье будущих поколений и любви к ближнему. К слову, любая интерпретация данной проблемы уходит к ее источнику. Столкновение и противостояние понятий нравственности и идеологии, борьбы за счастье и любви к ближнему есть не что иное, как риторический выбор человеком (в произведении героем) между временно актуальным и вечным, альтернативы между Сейчас и Всегда. В русской литературе такую дилемму обозначили как нравственный выбор. Герой попадает в экзистенциальную ситуацию неизбежного выбора одного из двух (из нескольких) путей дальнейшего личностного развития. Впрочем, творческое у Солженицына имеет своим источником установки личностные. Солженицын, например, таким образом обозначил нравственный выбор русского писателя: “Однажды взявшись за слово, уже потом никогда не уклониться: писатель — не посторонний судья своим соотечественникам, он — совиновник во всем зле, совершенном у него на Родине или его народом. И если танки его отечества залили кровью асфальт чужой столицы, — то бурые пятна навек зашлепали лицо писателя. И если в роковую ночь удушили спящего доверчивого Друга, — то на ладонях писателя синяки от той веревки” [12; 142]. Для более предметного рассмотрения этой философской проблемы обратимся к двум романам писателя, в одном из которых действия происходят до революции 1917 года, а в другом — намного позже этого события, трактуемого нами (в согласии с автором романов “Август 14-го” и “В круге первом”) как исторически определяющее и деформировавшее рассматриваемые категории в сторону диспропорции и дисгармонии. Зададимся вопросом: ЧТО, применимо к российским реалиям, заставило человека бороться не только за свободу физическую, но и за духовную независимость.

Философская проблема выбора между политически обусловленным и нравственно единственно приемлемым в романе Солженицына “Август 14-го” реализуется в контексте исторически достоверного сюжета о событиях первой мировой войны. В романе сталкиваются и взаимодействуют категории необходимого и целесообразного, что приводит к возникновению ситуации, когда идеология конфликтует не только с нравственностью, но и с иной идеологией. Начало поспешных боевых действий неготовой к войне Россией — это необходимость или целесообразность? С точки зрения данных обеща-

ний союзнической Франции — это необходимо, но с точки зрения брошенных на гибель в Восточной Пруссии русских солдат и их генерала Самсонова — это бездумно и нравственно несообразно. Категория нравственности в романе соотносится с целесообразностью, а идеология — с необходимостью. Причем необходимость у большинства персонажей своя, что создает богатую политическую полемику, но не отменяет ущербность любой представленной политической необходимостью в сравнении с нравственной целесообразностью и ценой отдельной человеческой жизни. Этот нравственный постулат озвучит полковник ставки Воротынцев, который выскажет политически крамольную мысль о том, что выгода России может не совпадать с честью нашего мундира.

Автор ведет речь о том, что первая мировая война стала для России войной не только против политического оппонента — Германии, но и внутренней войной монархистов и социалистов, идеологии прошлого против идеологии будущего. Один из героев романа, Ленартович, сам для себя разграничивает одну войну на две. Первая — с Германией — для героя бессмысленна: государство заставляет его быть участником этой войны. “Другое дело — война добровольная, война против твоих действительных извечных социальных врагов...” [9; 426]. Поэтому не удивительно, что в романе Солженицына столкновение тезисов идеологии и тезисов нравственности носит запутанный характер. Озвученная дилемма сильно осложняется в условиях войны: “На выручку братьям-сербам”! — сербов пожалели! А сами по всем окраинам душим — этих не жалею!” [9; 148]. Изначально позитивный мотив помощи сербам нивелируется напоминанием прапорщика Ленартовича об абсурдности высоко-нравственных побуждений вне государства при отсутствии таковых побуждений внутри страны. Беседа военного юриста Ленартовича и врача Федонина, выливающаяся в острую полемику, во многом находится в русле заявленной проблематики и многое объясняет в авторском замысле. Спор политизированного прапорщика и аполитичного медика — это столкновение логики идеи и логики морали, которые изначально противоречат друг другу. Логика Ленартовича проста и понятна: “В этой войне, и вообще с Россией — чем хуже, тем лучше!” [9; 146]. Как приверженца идей социализма, его первоначально интересует достижение политических целей. Гуманизм социалиста Ленартовича с точки зрения нравственных понятий Федонина парадоксален — это борьба с людьми за людей. Но такой подход к проблеме неприемлем и непонятен врачу Федонину: “Наши солдаты пусть страдают и

гибнут — и это лучше? [9;146]. Но для прапорщика важна точка зрения обобщающая, историческая: “Мало ли кто на Руси страдал, страдает!” [9;146]. История же показала и доказала, что политическая идея не берет в расчет отдельную личность. В политике цель оправдывает средства, которые для Ленартовича хороши все — чем больше смертей сейчас, тем быстрее его партия придет к власти. Для врача Федонина все средства хороши для спасения любой человеческой жизни. Как врач он не имеет права мыслить категориями прапорщика, как человек он не может желать смерти себе подобным. В этом диалоге категорий точку ставит вопрос гуманиста Федонина борцу за справедливость Ленартовичу: “Вот с вашим черниговским знаменщиком мы сейчас... Нитевидный пульс. Так зачем мы с ним возимся, да? Так я понял обобщающую мысль? [9;146]. Прапорщик не может дать прямой вразумительный ответ, тем самым уступая первенство в полемике по поводу приоритета человеческой жизни или человеческой идеи. И все же он отвечает врачу: “А зачем они поперли как бараны за нашим полковым, за мракобесом?.. Нашли за что драться — за тряпку! Потом уже за одну палку” [9;146]. Герой дает философское обоснование бессмысленности ранений, ведя речь уже с позиции более приближенной непосредственно к происходящим событиям войны. Теперь уже в свою очередь Федонин находится в полемическом тупике, но не потому, что он тоже не понимает абсурдности и нравственной нецелесообразности ранений и смертей ради деревянной палки, но потому что он, как и Воротынцев, как и Самсонов, как и находчивый крестьянин Благодарев, служит монархии, царю и Богу. Как раз тому Богу, которого Ленартович не признает и ненавидит. И здесь на сцену выступает очередная политическая необходимость — хотя и прав прапорщик, но обсуждать и осуждать монархию не принято. Именно по этой причине не имеющий перед собой права признать справедливость прапорщика врач объясняет непонимающему Ленартовичу причину этого: “Вы, простите, вы ведь не кадровый, вы — кто?” [9;146]. В этой части спора столкнутся уже не идеология с нравственностью, а идеология социалиста Ленартовича и идеология монархиста Федонина. Автор покажет в конце главы бесперспективность философских споров в условиях войны, которая вместе с жизнью человека уничтожает и его идейные, и моральные предпочтения: Федонина срочно извлекает из беседы медсестра, а прапорщика Ленартовича поднимает со ступенек голос подполковника. Каждый из них вынужден вновь погрузиться в мир войны. Этот спор останется у героев как воспоминание о том моменте войны,

когда уникальным образом предоставилась возможность высказать свои мысли.

Проблема сопоставления ценности личности и ценности идеи имеет продолжение в романе в семейной беседе Ленартовичей — в споре Вероники и ее наставниц, которые настоятельно пытаются приобщить племянницу к своим идеям русского террора и жертвоприношения души и тела ради идеи достижения справедливости. И Вероника, и ее наставницы представлены как носительницы двух принципиально различных мировоззрений. Насыщенный обоюдоострыми вопросами и ответами, многочисленными фактами и аргументами, диалог в действительности разворачивается вокруг одной-единственной философской дилеммы: можно ли переступить через жизнь любого человека ради достижения любой цели? И снова мы можем увидеть в творчестве Солженицына столкновение политизированного персонажа с аполитичным. Для наставниц Вероники вся суть прогресса отражается в непрерывной и жертвенной борьбе с властью монархии, для их племянницы — только в культуре: “Ах, тетеньки, вы хотите нам навязать прогресс? Но все политически прогрессивное — очень отсталое культурно” [10;68]. Девушка выносит не по годам зрелый приговор политической тенденциозности, тем самым заявляя мысль о несовместимости культурного и политического пласта человеческой жизнедеятельности. Поклонницы русского террора Адалия и Агнесса, пытаясь привлечь племянницу к своим идеям, заключают: “А когда падет нынешний строй, спадут все цепи угнетения и откроются все возможности, в том числе и для культуры” [4;68]. Этим заявлением они словно реанимируют уже поставленный в романе вопрос — равноценны ли жизнь человека и “жизнь” идеи? Для молодой Вероники выбор очевиден, и она знает (пока, может быть, интуитивно) причины своего решения: “Всякие общественные идеи — неизбежно узки. Все, что плыло с 60-х. Что было у нас? Политика, социализм, вся литература переперчена социальностью...” [10;69]. Обе стороны спора, несмотря на всепоглощающее желание и аргументированность, бессильны доказать объективность своих воззрений друг другу. Вероника готова вести беседы об искусстве, но не о политике. Адалия и Агнесса — наоборот. Для них “искусство тоже служит украшению жизни, но на десятом месте. Самое прекрасное таится в борьбе за идею...” [10;74]. Под идеей же у них скрывается определенная политическая идеология — идеология социализма, всеобщего неперемного равенства. История показала, что достижение этой цели потребовало жертв и обязательно потребует еще, что прекрасно понимают идейные наставницы.

И на один из ключевых вопросов всего творчества Солженицына, озвученный Вероникой — “Но какое кто имеет право... идти через насилие?” [10; 92] — женщины-революционерки упрямо ответят: “Революционеров нельзя судить по меркам старой нравственности. Для революционера нравственно все, что способствует торжеству революции, и безнравственно все, что мешает ей” [10; 92]. Данные аргументы окончательно показывают истинный смысл двух противоборствующих мировоззрений в романе. Для нарождающейся идеологии социализма нравственные нормы оказываются устаревшими, что приводит к появлению особой нравственности — партийной (партия сама решит, что верно, а что нет). Для наставниц Вероники будущая революция должна стать “великими родами”, переходом от произвола к высшей справедливости. Именно поэтому “надо видеть не сам террор, а высокие цели его! Убивают не конкретного человека — в его лице убивают само зло!” [10; 93]. Таким образом, новая идеология социализма, носителями которой оказываются Ленартович, его тети, десятки революционеров и террористов, представленных наставницами, вступает в противоречие с нравственными нормами, нивелирует ценность человеческой жизни, и дает моральное оправдание террору и убийству, что противоречит взглядам Солженицына и его героини Вероники, которая не в состоянии понять, как можно лгать во имя правды и убивать во имя любви. “Всю вину берет на себя партия, и тогда террор — не убийство, и экспроприация — не грабеж” [10; 94]. Но в романе Солженицына, как и в реальной жизни, за грехи будет расплачиваться не партия, а тот, кто совершил преступление против человека. Символически упоминается фраза Сазонова, убившего Плева и мучившегося в тюрьме: “Боже, милостив буди мне грешному!” [10; 95]. Согласно творческим установкам автора, никто не может взять на себя чужой грех, даже партия. Даже в пламенной речи Агнессы прозвучала мысль о трагедии человека, который добровольно взвалил на себя нечеловеческое нравственное бремя. Таким образом, в диалоге Вероники с наставницами противостояние культуры и политики несомненно имеет более конкретную историческую и художественную трактовку — столкновение человека и государства, а вследствие этого, конфликт ценностей — нравственных и идеологических.

На протяжении всего романа Солженицын проводит четкую линию идеологического развенчания, что ярко проявляется в диалогах героев. Самым ярким примером является разговор преподавателя Варсонофьева с уходящими на фронт Саней Лаженицыным и Константином.

Диалог фактически превращается в монолог, чему способствует явное интеллектуальное преимущество давно все для себя решившего Варсонофьева над блуждающими в поисках истины молодыми людьми. Старик (в котором некоторые критики увидели автора) уже в самом начале разговора озвучит свою историческую концепцию: “А государство — оно не любит резкого разрыва с прошлым. Оно именно постепенность любит” [9; 400]. Одна эта фраза уже полемизирует с семейной идеологией Ленартовичей (исключая Веронику), для которых чем хуже сейчас, тем лучше будет завтра, для которых невыносимо ждать, а необходимо идти и брать силой счастье для будущих поколений. Нет сомнений в том, что философия Варсонофьева губительна для идеологии социализма. Для Ленартовича же единственно приемлема только месть угнетателям и построение нового справедливого мира, а не эволюционный путь развития. Для преподавателя, в свою очередь, не понятно, “кто это смеет возомнить, что способен придумать идеальные учреждения? Только кто считает, что до нас... ничего важного не было, все важное лишь сейчас начинается” [9; 404]. Ленартович так и считает: высшая справедливость, правда и законность возможна только с приходом к власти именно социалистов. Прапорщик не считает, что из многовекового пути развития России имеет смысл делать выводы. Он желает резких и поворотных изменений в судьбе России. В противовес заносчивому прапорщику Варсонофьев на просьбу предложить справедливый строй ответит беспелляционно: “Предлагать? И не посмею” [9; 404]. Старику претит думать о том, что человек может придумать что-то новое и идеальное. Он считает, что никто не смеет брать на себя такую ответственность. Не зная альтернативы режиму существующему, мудрец (а именно такой образ создается в романе) говорит о том, что “лучший строй не подлжит нашему самовольному изобретению. Ни даже научному... составлению” [9; 405]. Мировоззрение преподавателя в романе выступает полным противовесом социалистической идеологии. Именно Варсонофьев Павел Иванович в беседе с молодыми людьми об общественном устройстве вынесет свой вердикт в конфликте старого и нового строя — “Слово строй имеет применение еще лучше и первое — строй души! И для человека нет ничего дороже строя его души, даже благо через-будущих поколений...” [9; 405]. Мудрец-философ четко знает смысл и ценность жизненных категорий.

Наиболее достоверно авторское отношение к проблеме выразит персонаж романа Георгий Воротынцев. Отступающие в Россию из Пруссии монархист Воротынцев и социалист Ленар-

тович случайно заводят спор о партийных разногласиях. Каково же было удивление уже готового к идеологическому спору Ленартовича, когда он услышал из уст Воротынцева сравнение партийных разногласий с рябью на воде. “А какие ж разногласия существенны тогда? [9; 22] — спросил ошарашенный прапорщик. “Между порядочностью и непорядочностью, прапорщик...” [9; 22] — ответил старший по званию и более мудрый в жизни Воротынцев.

В не меньшей степени конфликт нравственности и идеологии характерен для романа Александра Солженицына “В круге первом”. Основные герои романа поставлены в ситуацию выбора, когда не принять решение невозможно. Большинство персонажей в ходе сюжета проходит через эту солженицынскую процедуру. Процедуру выбора между чистотой совести и жизнью тела, между духовным началом и идеологическими предрассудками партии. Заключенные шарашки и дипломат Володин проходят, в частности, испытание искушением (у каждого свое), которое лакмусовой бумагой в художественном тексте отображает моральную сущность персонажа. Идеология в романе создает препятствия и приносит страдания героям при их движении в сторону очищения, неприятия зла. А потому тюрьма для Глеба Нержина, как это ни парадоксально, есть благо; это его катарсис: страдая и перенося испытания по вине политической верхушки, герой все больше отдаляет себя от ненавидимой им системы. Его оппонент-антипод Рубин выступает как пример для остальных, сомневающихся в справедливости государства: надо всего лишь помочь партии поймать ее врага, и партия поможет тебе выйти на свободу. Он самый ярый и непримиримый борец за право торжества идеи марксизма. Его целенаправленная заикленность на идеологии социализма порождает бесконечные споры практически со всеми жителями шарашки. Именно фигура Рубина является центральной в плоскости нравственно-идеологической проблематики романа, которая четко просматривается в скрытых и явных диалогах, спорах и сопоставлениях Рубина и других персонажей. Самой явной и продолжительной полемикой среди интеллигентской среды шарашки, несомненно, является диалог Льва Рубина и Глеба Нержина, которые, будучи непримиримыми идейными противниками, проходят через весь сюжет романа как друзья. “С первой же минуты выяснилось, что оба они — фронтовики; что вместе были на Северо-Западном фронте... что оба они в одном месяце и одним и тем же СМЕРШем арестованы с фронта... и оба одинаково получили по десятке” [7; 36]. Чем же пришелся по душе ярому социалисту Рубину антисоветчик Не-

ржин? “Рубина располагало, что Нержин сел в тюрьму не за плен и, значит, не был заражен антисоветским зарубежным духом: Нержин был наш советский человек... и потому Рубин имел терпение выслушивать его вздорные запутанные временные мысли” [7; 36]. Идеолог Рубин упрямо пытается склонить философа Нержина к социалистической идеологии. Происходит это уже в первой же их беседе. В этом споре сталкиваются идейная целеустремленность Рубина и философский скептицизм Нержина. В ответ на отказ Нержина работать в фонокопии Рубин иронически заметил: “Ну, правильно, Аркезилай из Антиоха этого бы не одобрил” [7; 352]. Фраза Рубина связана с идеей этого древнегреческого философа избегать заблуждений, если не возможно доказать истинность того или иного явления. Скептицизм близок Нержину. Скептицизм для него стал способом выжить, защитить свою внутреннюю духовную независимость суждений. В момент выбора обнаруживается мужество и границы ответственности Нержина. А идеологическая приверженность Рубина закрыла для него духовные поиски, что не воспитало у героя качеств, подобных тем, которые в решающий момент обнаружили в характере Нержина — увидеть окружающий мир и людей в нем не сквозь призму очередной исторической идеи, а с позиции вечных ценностей. По наблюдению литературоведа А. Немзера, “дискредитация Рубина внятна читателю уже с первых глав: симпатичный, добрый, остроумный человек подчинен дурной идеологической абстракции, которая рано или поздно его обязательно сожрет” [4; 33]. Его главная беда: он нисколько не сомневается в том, что его нахождение в заключении — ошибка, случайность, недоразумение (на его тюремной стене висит карта Китая, на которой красным карандашом отмечены передвижения коммунистических войск). Нержин, наоборот, считает свое пребывание в шарашке закономерностью — “он постоянно напоминал себе, что “тюрьма не только проклятье, она и благословенье” [7; 190]. Категоричен в отношении Рубина и другой литературный критик Ю. Мешков: “Объективно — хотя ему не откажешь в субъективной честности — Рубин не способен на выбор — поступок, освобождающий его сознание, дающий ему возможность быть самим собой” [3; 56]. Противоположен поступок Глеба, который выбрал путь по следующим кругам тюремного ада в обмен на отказ ловить себе подобных. Герой Солженицына выбирает ад физический, который в мировоззрении Нержина проще ада духовного. Об этом вел речь и сам автор — в статье 1972 года “Нобелевская лекция” Солженицын призвал: “Итак, через робость пусть каж-

дый выберет: остается ли он сознательным слугою лжи (о, разумеется, не по склонности, но для прокормления семьи, для воспитания детей в духе лжи) или пришла ему пора отряхнуться честным человеком, достойным уважения детей своих и современников” [12; 31]. И хотя для заключенного искушение физической свободой велико, герой выбирает: “Все доводы разума — да, я согласен, гражданин начальник! Все доводы сердца — отойди от меня, сатана!” [7; 60]. Нержин выбирает доводы сердца, а не разума. Для Льва Рубина все наоборот: его разум заполнен марксистской идеологией, его мораль стоит на мифической нравственности социализма, который безапелляционно развенчивает Глеб Нержин и в теории (герой никогда не слышал, чтобы нравственные идеалы социализма были обещаны на земле), и на практике. Таким образом, Нержин своим выбором нравственно доминирует над Рубиным, но превосходство это, конечно же, условно, поскольку у Льва Рубина фактически не было выбора — работать над расшифровкой голоса или не работать — его мировоззрение искренне не приняло бы отказа. И хотя у героев Солженицына прямо противоположная система нравственных координат, все же Глеб Нержин ближе автору именно своей нравственной позицией. Как принципиальность порождает искренность, так и выбор по совести сделал героя счастливым. И символичной становится беседа о счастье между друзьями: Рубин вспоминает, как на лекции доказывал, что счастья нет, когда ему передали записку со словами: “А вот я люблю — и счастлива! Что вы мне на это скажете?” И он ничего не ответил студентке и не задумался о том, что счастье — это, может быть, совсем и не победа идеи социализма и не всеобщее мифическое благо (счастье не может и не должно быть общим), а победа духовного над материальным, личного над общественным. Этот эпизод романа показывает авторскую трактовку счастья: это мгновение, момент жизни, когда внутренний мир человека переполнен положительными эмоциями. Символично, что после своего главного сюжетного поступка (работа над расшифровкой голоса Володина), которым он фактически отправил по кругам тюремного ада Володина, Рубин не испытывает ни радости, ни удовлетворения. Нержин же, которого увозят из благословенной шарашки в неизвестность следующих (по-настоящему жестоких) лагерных кругов, вполне удовлетворен, он не продал душу дьяволу — не купил мифическую свободу ценой в совесть. Однако жизнь сложнее всевозможных теоретических распределений. И художественный мир Солженицына лишь подтверждает простую философскую истину об относительности. По мнению кри-

тика А. Немзера, “Рубин — великий грешник, но тьма все же не поглотила его души до конца. Человеческое обаяние не индульгенция, но свидетельство тех борений, которые постоянно переживает мечущийся между абстракциями и реальностью, между злом и добром нескладный трагический герой” [4; 35]. И с этим утверждением невозможно не согласиться. В отличие от героического Нержина, Рубин является фигурой трагической. И трагизм предыдущей жизни героя неоднократно ретроспективно проявляется в ходе сюжета (воспоминание о раскулачивании, предательстве двоюродного брата). Судьба его в дальнейшем также, скорее всего, трагична и достаточно предсказуема: она неразрывно связана с тем, без чего его существование не представляет смысла — с коммунистической партией. На примере Рубина ярко показаны последствия подмены вечных ценностей ценностями политически обусловленными. Герой не в состоянии совместить в себе и идеологию партии, и нравственные принципы. В итоге конфликт решается героями по-разному.

Стремление к власти, а значит — к превосходству, тянет за собой длинный исторический шлейф. Власть, естественно, не мыслима без идеологии, которая объясняет нахождение у власти того или иного лица, что заставляет идеологию переступать через индивидуальные желания, через человеческое, через личное, через нравственное. Солженицын напоминает слова А. Галича? — “...не бойтесь пекла и ада, а бойтесь единственно только того, кто скажет: я знаю как надо”. Герои его романа Лев Рубин и Дмитрий Сологдин объединены тем, что знали “как надо”. В этих героях проявляется воплощение двух старых направлений российской интеллигенции: западнического и славянофильского. Рубин — убежденный марксист, демократ. Сологдин — российский дворянин, создающий Язык Предельной Ясности, противник социалистических идей в любых их проявлениях, аристократ по убеждению. Однако если двое других героев — Нержин (друг по шарашке обоих героев) и Володин — в течение сюжетного развития находятся в поиске себя, правды и смысла жизни, то Лев Рубин и Дмитрий Сологдин уже обладали своей так называемой “абсолютной прозрачной истиной”. Но, как известно, “абсолютной и прозрачной бывает только идеология, игнорирующая реальность, плоть бытия, кипение жизни, которая всегда причудливее и мощнее, страшнее и краше любой наперед заданной схемы” [4; 37]. Оба героя оказываются во власти своих идеологий. Идея Рубина, как уже говорилось, — это социализм. Сологдин же создает для себя некую абстрактную абсолютную истину, также напоминающую иде-

ологию, но необходимую для узкого, внутриличностного использования. Этим он, как и Нержин, с помощью скептицизма, защищает себя от внешних навязываемых влияний. Однако, по мнению критика З. Шаховской, беда в том, что “Идеи расплываются в столкновении с действительностью. В сущности, всякий, кто предпринимает какое-то дело, исхода его предвидеть не может...” [14; 83]. Потому ценность идеологии, как явления нестабильного, ставится автором под вопрос. Солженицын высказал мысль о том, что большинство людей не проникает в загадку миротворения, ограничиваясь словами или внешними действиями, не думая о своем собственном самосовершенствовании. В романе и заявлена мысль о нравственном и духовном самосовершенствовании, о том необходимом, что не может дать личности любая идеология. Если в основе идеологии Рубина лежат упрямство и слепота адепта, свойственные ему как продукту системы, то идеология Сологодина — это способ выжить физически, уцелеть, философия стоицизма (хотя стоицизм, естественно, свойственен и Нержину, и Рубину, и Володину — пусть и не в такой мере). Вся жизнь Сологодина — это существование “под закрытым забралом”. Герой считал, что на свободе ли, в тюрьме ли мужчина должен воспитывать в себе волю, подчиняя ее разуму. И в положении раба сохраняет силу духа, достоинство и гармонию. Именно внутренняя гармония стимулирует жизненную активность героя, как и героев Достоевского (Разумихин, Сонечка). Своеобразие Льва Рубина заключается в парадоксальности его взаимоотношений с системой — его осудили и посадили за решетку, а он искренне поддерживает политику партии, и если понадобится, то он не задумываясь поймает еще сотню Володиных. Итогом сравнения двух персонажей станет их объединение — нахождение по другую сторону выбора от Глеба Нержина и Иннокентия Володина, они остались в своем сытом и благословенном первом круге ада. И пусть прямой и открытой альтернативы перед Рубиным и Сологодиным не стояло, но сам ход сюжета разводит этих героев по разным углам, условно разбивая по парам. Но несмотря на то, что сюжетные линии Рубина и Сологодина ведут, казалось бы, к развенчанию героев, в финале романа не остается ощущения полного негатива в их восприятии. Фигуры этих героев вызывают скорее недопонимание, порождают определенную загадочность. Отсюда и двойственность в их оценке в критической литературе. Более того, если при сравнении с правдоискателями Нержиным и Володиным образ Льва Рубина нивелируется в разрезе нравственного поиска, то на фоне выстраивающейся в романе системы тирании в целом и

ее представителей в частности Лев Рубин имеет над ними громадный моральный перевес. Сам ход повествования создает двойственность в восприятии героя, создавая нравственное превосходство Рубина над системой тирании. Преимущество заключается в искренности восприятия героем идеи социализма. Ни один из действующих в романе персонажей, относящихся к тоталитарной системе (помимо Сталина), уже давно не верит в безоблачность социалистических идей и свою верность им, они не искренни в своем служении государству, и лишь под гнетом страха смерти или каторги они готовы петь дифирамбы Сталину. Прямо противоположен им Рубин, который прекрасно осознает ложь и неискренность этих мнимых патриотов: “и сидеть ему еще больше пяти лет, и с каждым годом все гнут и гнут революцию в болото аппаратчики проклятые” [7; 225]. Он, в отличие от них, твердо уверен в правильности идей, и даже тюрьма его в этом не переубедила. Его нравственная фора перед ними, лжецами, — вера: настоящая, непоколебимый тюремный фанатизм.

Проблема столкновения нравственности и идеологии в плоскости духовного развития личности в рассматриваемых романах Солженицына насколько очевидна, настолько и разно трактуема. Если в романе “В круге первом” данная проблема соотносится главным образом с конкретно историческими причинами, а именно с политической ситуацией в СССР, то в романе “Август 14-го” она выступает как проблема вневременная и соотносимая со всей историей России. Интересен также факт того, что, несмотря на многослойную полемику, характерную противоречивость героев и насыщенность событий, проблема столкновения, противостояния и соотношения нравственных ценностей и идеологических приоритетов в романах Солженицына имеет решение. В романе “В круге первом” поставленную автором дилемму решает близкий ему Глеб Нержин. В беседе с Львом Рубиным он гневно сформулирует вывод о том, что всякий социализм есть “карикатура на Евангелие” [7;354]. По его словам, “социализм обещает нам только равенство и сытость...” [7;354], которые есть “в любом хорошем свиарнике” [7;354]. Для героя важны своя семья, неприкосновенность личности, моральное самоограничение и справедливость и основа мироздания. Для героя романа любая идеология — в том числе и социализм — преходяща, условна и не имеет отношения к вечным приоритетным ценностям человеческого бытия. Все озвученные нержинские тезисы находят в русле восприятия Солженицыным общественных принципов со-бытия и видятся, и чувствуются сквозь призму знаменитого автор-

ского тезиса о том, что “одно слово правды весь мир перетянет” и призыва “жить не по лжи”. Однако потому заявленная проблема взаимоотношения нравственности и идеологии и является философской, что решаемая в теории, а также в художественном тексте, в жизни окончательного решения не имеет, что относит ее к проблемам вечно полемичным, риторическим. Поэтому актуальной представляется пословица, выведенная Солженицыным в последней строке “Августа 14-го” – “НЕ НАМИ НЕПРАВДА СТАЛАСЬ, НЕ НАМИ И КОНЧИТСЯ”.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булгаков С. Н. Избранные статьи в 2-х томах / С. Н. Булгаков. – М.: Наука, 1993. – Т. 2. – 400 с.
2. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание / Ф. М. Достоевский. – М.: Правда, 1987. – 477 с.
3. Мешков Ю. А. Александр Солженицын: личность, творчество, время / Ю. А. Мешков. – Екатеринбург: Диамант, 1993. – 101 с.
4. Немзер А. Рождество и Воскресение: о романе А. Солженицына “В круге первом” / А. Немзер // Литературное обозрение. – 1990. – № 6. – С. 31-37.
5. Первый Всесоюзный съезд советских писателей: стенографический отчет. – М.: ГИХЛ, 1934. – 236 с.
6. Синенко В. С. Эстетика стоицизма у А. Солженицына / В. С. Синенко. – Уфа: Изд-во БГУ, 2001. – 236 с.
7. Солженицын А. И. В круге первом: Роман / А. И. Солженицын. – СПб.: Азбука-классика, 2003. – 768 с.
8. Солженицын А. И. Красное колесо: Повествование в отмеренных сроках в 4 узлах. – Узел 1: Август четырнадцатого. Т. 1. / А. И. Солженицын. – М.: Воениздат, 1993. – 464 с.
9. Солженицын А. И. Красное колесо: Повествование в отмеренных сроках в 4 узлах. – Узел 1: Август четырнадцатого. Т. 2. / А. И. Солженицын. – М.: Воениздат, 1993. – 544 с.
10. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом: Очерки литературной жизни. – [2-е издание, исправленное и дополненное] / А. И. Солженицын. – М.: Согласие, 1996. – 687 с.
11. Солженицын А. И. Жить не по лжи! / А. И. Солженицын // На возврате дыхания: избранные публицистика. – М.: Вагриус, 2004. – С. 182-187.
12. Солженицын А. И. Нобелевская лекция / А. И. Солженицын // На возврате дыхания: избранные публицистика. – М.: Вагриус, 2004. – С. 18-36.
13. Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. / В. С. Соловьев. – М.: Мысль, 1990. – Т. 2. – 822 с.
14. Шаховская З. О правде и свободе А. Солженицына / З. Шаховская // Слово. – 1990. – № 3. – С. 82-84.

Рецензент – В. М. Акаткин.